

Театр великого народа

Ничто так полно не отражает жизнь народа, его думы, чаяния, все то прекрасное, что есть в народе, как театр—сгусток всех видов искусства. В этом отношении китайский театр — наиболее самобытный из всех театров мира. Созданный народом тысячелетия тому назад, он впитал в себе всю мудрость народа, который в своих легендах, сказках раскрывает нам свой духовный мир. Все это воплощено в театральном искусстве, настолько своеобразном, что нам, воспитанным на культуре европейского театра, многое порой кажется странным и далеким от реальной жизни. Но когда внимательно следишь за игрой китайских артистов, то очень быстро начинаешь понимать глубокий смысл происходящего на сцене и, очарованный игрой артистов, перестаешь замечать условности игры, и все становится поразительно реальным. Что же так очаровывает в игре китайских артистов? Их необычайная вера в то, что они делают, смелость изобразительных средств, техника игры, введенная до виртуозности, яркость красок и народность всего представления, хотя на сцене действуют порой мифологические персонажи. Да, именно так, из поколения в поколение передавалось это мастерство, оно отшлифовалось и достигло того совершенства, которое, казалось бы, находится на пределе.

Мне не довелось просмотреть весь репертуар гостящего у нас Шанхайского театра Пекинской музыкальной драмы. Я видел только «Пальмовый веер», «Саньчакоу», «У стен Сычжоу», «Нефритовый браслет», «Осеннюю реку», но и этого достаточно, чтобы о каждой из этих сцен сказать очень много хорошего.

— Далеко уходит панорама китайского пейзажа, написанного в стиле лучших традиций китайской живописи. Изумрудные облака, низкие раскидистые сосны, мягкий свет — все как бы написано акварелью... Появляется принцесса Те Шань в сопровождении девушек. Они машут голубыми шарфами... Одна из девушек несет пальмовый веер... Великолепны костюмы, сколько грации, изящества, какая точность движений! Понятна тоска Те Шань по сыну. Но вот приходит обезьяна-оборотень Сунь У-кун. Идет борьба за пальмовый веер... Невозможно оторвать глаз от развивающегося даль-

ше действия. Принцесса сражается с обезьяной. Все строго рассчитано, каждый взмах меча, каждое движение тела, головы, рук—все у актеров сливается в своеобразную симфонию красочных движений, внутренне оправданных. Когда кончается поединок, раздается гром аплодисментов. Зрители благодарят за минуты большого эстетического наслаждения. Артистка Ли Юй-жу бесподобна в роли принцессы, неповторим и Чэнь Чжэн-чжу в роли Сунь У-куна.

Я много раз видел сценку в харчевне «Саньчакоу». Она всегда восхищала меня точностью игры китайских актеров. Сцена залита ярким светом, но действие происходит в темноте. Актерам надо заставить зрителя поверить, что на сцене абсолютная темнота, что они друг друга не видят. И это достигается с огромным эффектом. В течение получаса мы следим за боем в «темноте» и вместе с исполнителями переживаем напряжение этого необычайного поединка. Ван Лин-сэнь и Сунь Синь-ци сочетают в себе мастерство артистов с акробатической ловкостью.

А сколько очарования в трогательной сценке «Осенняя река» и наполненной любовной лирикой сценке «Нефритовый браслет» в исполнении артистов Ли Юй-жу, Сунь Чжэнь-яна и Хуан Чжэн-цинля!

Большое впечатление оставила у меня сценка «У стен Сычжоу», в основу которой положен мифический сюжет. Стремительность, экспрессия, акробатика, четкое построение мизансцен, блестяще поставленные бои, яркость красок костюмов — все это сливается в одно стройное целое, захватывает, покоряет.

Минские зрители глубоко благодарны коллективу Шанхайского театра Пекинской музыкальной драмы, его руководителю, большому артисту Чжоу Синь-фану за те незабываемые дни их гастролей в г. Минске, которые надолго сохранятся у нас в памяти. Они обогатили наши знания о великом китайском народе, судьбы которого неразрывно связаны с судьбами нашего народа.

С. БИРИЛЛО,
народный артист БССР.

На снимке: сцена из пьесы «Пальмовый веер».